

Евгений Ковалев

Поглотитель душ

Дилогия

Евгений Ковалев

Поглотитель душ. Диалогия

«Издательские решения»

Ковалев Е.

Поглотитель душ. Дилогия / Е. Ковалев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900687-5

Демон — барон из пекла — изгнан за неправильную дуэль. Совет изгоняет его на Вторую мировую войну, но, чтобы вернуться в пекло, демону надо собрать шесть миллионов злых душ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-900687-5

© Ковалев Е.
© Издательские решения

Поглотитель душ Диалогия

Евгений Ковалев

© Евгений Ковалев, 2018

ISBN 978-5-4490-0687-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог.

Пекло-суд.

Семь каменных тронов стояли в зале, инкрустированном драгоценными камнями и барельефами. Сам зал, хоть был и красив, вселял ужас. Барельефы и колонны были сделаны из костей как людей так и нелюдей, а перед троном стоял на коленях высший демон. По бокам стояли два стражника-демона. Один из сидящих на троне Архидемонов заговорил.

– Барон Ловуал, за неправильную дуэль и убийство двух секундантов герцога вы приговариваетесь к смерти, но так как вы и ваш отец принадлежите к третьему поколению баронов, смерть мы заменяем изгнанием из ада. Также тебе решили дать искупить свою вину, а для этого ты должен насобирать для ада шесть миллионов злых ДУШ. Так как ты любишь убивать, мы отправим тебя на одну из войн, начавшихся сейчас на земле. Еще у тебя заберут все знания – как воинские, так и магические. Чтобы выжить, тебе придется их снова развивать. Однако память и демоническую частичку души мы тебе оставим. А теперь, стража, доставьте его к месту назначения.

Стража подняла меня и понесла к portalу «исчезновения» и, подтащив к нему, бросила меня на него. Я заорал от боли, так как чувствовал как моя магическая сила и опыт войны исчезают, рвутся крылья и отскакивают рога. Демоническая оболочка слетает с меня, а сознание проваливается в пустоту.

Глава первая. Рожденный заново

Рядовой Виталий Кузнецов умирал в окопе от пули, которая попала ему в грудь. Вдруг его тело содрогнулось от боли, и он закричал, выпуская последний вздох. Через секунду глаза рядового покраснели. Это длилось несколько мгновений, после чего взгляд стал снова нормальным, а дыхание участилось. Ловуал открыл глаза и начал оглядываться. Оглядевшись, он понял, что лежит в какой-то длинной яме. Рядом с ним лежали трупы. С трудом подняв голову, он увидел свою новую одежду. Одет он был в форму и тулуп. Ловуал понял, что это была военная форма. Но к какой стране она принадлежала, он не знал. Да его это и не заботило. Его заботило, как быстрее выбраться из кучи мертвых тел. Кривясь от боли в груди, он начал ощупывать себя и в боковом кармане военной формы нашел какую-то маленькую книжицу, в которой было написано: Рядовой Виталий Кузнецов тринадцатого пехотного полка Красной Армии. Прочитав документы, Ловуал положил их обратно. Кто знает, как в этом мире относятся к документам. Итак, получается с этого дня он Рядовой Виталий Кузнецов. Но об этом после. В данный момент надо придумать, как выбраться из этой ямы с трупами. И как только он об этом подумал, откуда-то справа донеслись голоса, а минут через пять показались люди в таких же тулупах и такой же форме. Ловуал насчитал десять человек, которые разделились и начали осматривать убитых, забирая у них документы пока один из них не увидел Ловуала, а когда понял, что тот живой, закричал:

– Товарищ сержант, тут живой.

Я увидел, как от группы отделился человек и быстрым шагом направился в их сторону. Пока он шел, я обдумывал слова солдата. Сержант – это, скорее всего, звание. А вот что означает слово товарищ – Ловуал не знал. Тем временем сержант подошел к ним и обратился к солдату:

– А ну-ка, Иванов, помоги поднять бойца, – после чего, подхватив меня под мышки, вытащил из ямы с трупами.

– Давай, Иванов, тащи волокуши. Он, кажется, в грудь ранен.

После чего обратился ко мне:

– Как звать?

– Виталий Кузнецов. Тринадцатый пехотный полк.

Сержант хмыкнул и с сочувствием произнес:

– Нет твоего полка больше. Один ты из них остался.

Тем временем Иванов и еще какой-то солдат притащил волокуши и погрузили меня на них. Некоторое время я лежал пока Сержант с солдатами не собрали все документы, после чего меня повезли на волокушах на восток. Всю дорогу я слушал и внимательно все запоминал, что говорили и делал выводы, а выводы были неутешительны. К вечеру мы пришли в какую-то часть, где меня сразу направили в местный лазарет. В течение трех часов мне делали операцию по извлечению пули из груди. После чего, наложив швы и перебинтовав меня, перенесли в общую палату.

* * *

В стационаре я провел около недели, познакомившись со всеми больными, врачами и медсестрами, а так же узнал, что тело, в которое я попал, по национальности называлось русским, и таким образом я становился русским. Также узнал, что воюем мы с Германией, которые назывались немцами, еще их называли фашистами и, что главное, в стране некий Гитлер, а у нас Сталин. Также я научился разбираться в званиях и т. д. ... Мне понравился их богатый язык, особенно матерная часть.

Через неделю я был выписан из лазарета.

* * *

После выписки меня сразу послали к местному политруку, который послал меня на местный склад получать оружие, форму и прочие вещи, которые выдавались простым солдатам. Получив на складе винтовку и патроны к ней а также новую форму и вещь мешок с двумя банками тушенки, я направился в свою землянку. Жили там четыре человека. Зайдя в землянку, я лег на сделанную из дерева кровать и принялся думать, что делать. На первом месте стояло обучение местным боевым искусствам, на втором – накопление душ. Чем больше душ, тем больше знаний. И наконец, обучение магии, что было весьма затруднительно сделать в этом мире. Впрочем, своими демоническими глазами Ловуал видел слабые, почти невидимые и неосозаемые потоки магической энергии. Это означало, что магия существовала и в мире людей, но ее было так мало, что уловить ее было невозможно. Само знание о магии у него было, но чтобы ей пользоваться, надо заново учиться ощущать потоки и еще много чего. В общем, надо начинать учиться.

Глава вторая. Обучение или путевка в жизнь.

В землянку вошел его друг по палате, а сейчас и по землянке Олег.

– Слушай, Олег, – обратился к нему Ловуал, – а ты знаешь какие-нибудь боевые приемы с ножом или винтовкой?

– А тебе зачем? – удивился Олег.

– Да понимаешь, я вообще драться-то толком еще не умею, даже, считай, не стрелял толком, а вдруг с немцем схлестнуться.

– Ну, вставай, покажу тебе, что знаю.

Ловуал-Виталий встал с кровати и взял со стола нож. Олег тоже.

– Нападай.

Ловуал ударил, метясь ножом под ребро Олегу, но тот увернулся и ударил ножом в шею, прокомментировав: «Вот так надо бить в шею противника!» После чего Олег показал еще два приема, а когда Ловуал попросил его еще, он ответил, что больше не знает. Однако сказал, что может показать два приема винтовкой. Когда я увидел эти приемы, я понял, что придется изобретать приемы самому, но для начала надо отработать те приемы, который мне показали, чем и занялся, когда Олег ушел. Так как Ловуал был демоном хоть и в человеческом теле, поэтому ему все быстрее запоминалось как на мысленном, так и на мышечном уровне и для того чтобы прием запомнился навсегда, нужно было его повторить сто раз. Теперь он стоял, отбатывая показанные приемы, а через полчаса они были заучены.

* * *

Наутро нас с Олегом разбудил крик Сержанта.

– Кузнецов, Ларин, хватит спать! Ваша очередь на посту стоять. Сменить Карпоткина и Василюкова, бегом!

Быстро натянув форму, мы с Олегом выбежали из землянки заменять наших сослуживцев, которые охраняли склад с оружием. Сменив солдат, мы стали сторожить склад. В начале минут пятнадцать стояли, молча глядя на проходивших мимо солдат. Через некоторое время Олег спросил закурить, но получив от меня отрицательный ответ, снова замолчал, а я стал вспоминать приемы, которыми владел, когда жил в аду и, так же как и приемы, показанные мне Олегом, я решил их отработать, чтобы расширить свой боевой арсенал приемов и начал перебрасывать нож из одной руки в другую. Олег увидел чем я занимаюсь, поинтересовался, что я делаю и, получив ответ про тренировку, только хмыкнул и сказал, что этому сразу не научишься. Я не обратил внимания на его слова, и через сто повторений усвоил прием. Потом последовал второй, третий, четвертый, после чего услышал от Олега:

– А говорил, ножом не владеешь.

– А я и не владею.

– А это что тогда?

– А это я от твоих показанных приемов учусь.

– Это как? удивился Олег.

– Ты мне приемы показывал?

– Ну.

– Ну вот. Я, отталкиваясь от твоих показанных приемов, начал придумывать свои. Олег снова хмыкнул, но ничего не сказал, а я продолжил заниматься, не забывая при этом поглядывать вокруг. Через два часа мы услышали крик лейтенанта

– Всем приготовиться к бою! Немцы наступают. Все в окопы, артиллеристы к пушкам.

Мы же с Олегом рванули к окопам. Спрыгнув в траншею, мы увидели Сержанта, который распределял бойцов. Увидев нас, Сержант закричал:

– Кузнецов, Ларин, быстро вон туда занять позиции.

Его палец показал влево, где уже сидел знакомый паренек, которого звали Максимом. Заняв указанное место рядом с пареньком, я поглядел вперед и увидел противника которое были одеты во все серое, как и техника. На танках были нарисованы кресты и я понял, что это знак противника как у нас звезда. И тут танки противника открыли огонь. Снаряды, вылетевшие из дул, взбили землю, ошметки земли разлетелись в разные стороны. Но тут же на их выстрелы ответили наши пушки. Пару танков загорелись сразу. Остальные пролетели мимо либо попали по солдатам противника. Следующие выстрелы немецких танков уничтожили две наших пушки, после чего мы услышали крик Сержанта:

– Из винтовок огонь!

И все кто находился в окопах, выстрелили. В том числе и я. Много солдат мазали. Но я был не совсем человек, а больше демон и глазомер был намного лучше, чем у людей. Поэтому ни одна выпущенная мной пуля не прошла мимо цели. Снаряды рвались и с той и с другой стороны, все наши пушки были выведены из строя, а у противника из пятнадцати танков осталось только пять, но для нас это было много, и мы начали отступать. Скрывшись за кустами, мы некоторое время уходили подальше от немцев, а когда решили, что ушли достаточно, решили отдохнуть и заодно провести совещание.

Что делать будем, – поинтересовался один из бойцов, которого я не знал.

– Надо к своим прорываться, – высказался еще один незнакомый мне боец.

– А ты хоть знаешь где свои, – поинтересовался я?

– Там, – кивнув головой назад, сказал паренек.

– Да?

– А почему не там или не там, – кивнул я головой один раз вправо и один раз влево.

– Да потому что там немцев нет! Разве непонятно.

– Да!

– А про дислокацию ты слышал?

– Может они в другой стороне

– С чего бы им уходить?

– Ну, этого не знает никто, кроме высшего начальства. Единственное, что я знаю – это то, что мы не знаем куда идти.

– А что ты тогда предлагаешь, – поинтересовался Олег?

– Что вы будете делать – я не знаю, но назад я не пойду.

После этих слов все посмотрели на меня, а Олег поинтересовался:

– Почему?

– Потому что жить хочу.

– Это как, – не понял Олег.

– А так как мы отступили, все мы попадаем под статью дезертирство, а это карается расстрелом.

Все на минуту задумались, а один из бойцов, который до этого молчал, произнес:

– Так быть не должно, разобраться сначала должны.

– Думай, чего говоришь! Сейчас военное время, поставят к стенке и шлепнут, а потом прикопают, чтоб не вонял и даже креста не поставят. Был солдат – и нет солдата.

– Ты тут такие разговоры не веди, а то скрутим и доставим куда надо.

– Крутила не выросла, да и не пропагандирую я никого. Хотите идти идите, но без меня.

– А ты куда пойдешь?

– К немцам?

– Зачем? За родину и так воевать можно, убивая немцев.

– Нет, ты либо идешь с нами, либо здесь и останешься. Нам предатели не нужны, – снимая с плеча винтовку, произнес солдат.

– Во-первых, я не предатель, а во-вторых, в меня еще попасть нужно, – сказал я, глядя солдату в глаза, одновременно незаметно переставляя ногу, учитывая стоящих солдат, если те кинутся к нему на помощь и потянулся за ножом. И, как Ловуал и предполагал, мне попытались помешать вытащить нож, за что человек и поплатился перерезанными венами, из которых обильно вылетела кровь, и тут же последовал выстрел, от которого я увернулся благодаря стойке. Олег попытался остановить меня, положив руку на плечо, но получил удар локтем под дых и согнувшись упал. Тем временем стрелявший из винтовки солдат заряжал ее, еще один солдат кинулся на меня с ножом, а так как за проведенное время я изучил пятнадцать приемов, доведя каждый из них до совершенства, справился я с ним легко, вогнав свой нож ему в горло. Снова выстрел из масасинки, прикрываюсь телом солдата, после чего бросаю его

в сторону и бегу к бойцу с винтовкой. Еще один солдат целится в меня из пистолета. Быстро приседаю, и обе пули летят мимо, а я из положения низкого старта хватаю его винтовку, которую он снова пытался зарядить, и дергаю ее за ствол в его сторону. Приклад бьет по носу. Это больно, если правильно ударить, а ударил я правильно. Из глаз солдата бегут слезы, а сам он от неожиданности отпускает ствол масасинка. У меня в руках слышу щелчок, снова приседаю. Пуля из револьвера попадает солдату, у которого я отобрал винтовку, в грудь. Солдат падает замертво, а я стреляю в стрелявшего меня бойца, попадая тому прямо в голову отправляя того на встречу с богом. Смотрю на поднявшегося с земли Олега и растерянно стоявшего, который подымает растерянно масасинку. Олег уже держал в руках винтовку. Только он не успел еще прицелиться – говорю: «Олег, мы оба с тобой воевали и лежали в госпитале, и я не собираюсь тебя убивать, но если ты направишь на меня винтовку, то превратишься во врага, а врагов я убиваю».

Повернув голову к Максиму, говорю:

– Это и тебя касается!

– Ты убил красноармейцев, – ответил Олег.

– Они пытались убить меня, ты это видел.

Олег некоторое время сверлил меня взглядом а потом сказал:

– Я все равно считаю, что ты неправ, но и останавливать тебя не буду, иди куда хочешь.

Пошли, Максим.

Я смотрел, как они уходят. Когда они скрылись из виду, я взял самую хорошую винтовку и забрал все патроны, после чего подошел к солдату, который стрелял в меня и, положив руку на грудь, я закрыл глаза и сосредоточился. Тело бойца начало увядать на глазах, пока не превратилось в мумию, а мое тело наполнилось энергией. Это была первая душа в этом мире, которую я поглотил. Счет открылся.

Глава вторая

– Я немец.

Я направился в сторону немцев, там были души врагов и знания. Именно они мне сейчас и были нужны.

Шел я целый день, пока не стало почти темно. Только тогда я решил расположиться на ночлег. За день ходьбы я изучил еще три приема с винтовкой из знаний души красноармейца и добавил свои пять. Также изучил метание ножей, и сейчас собирался устроиться на ночлег. Поэтому я отошел куда подальше, в кусты, за которыми я решил переночевать. Проснулся я от солнечных лучей, которые светили мне в лицо. Промыв глаза росой с кустов я более или менее пришел в себя. Перекусив последней тушенкой, которая была у меня, я задумался, куда мне идти и что делать. Мои размышления перервали услышанные мной моторы мотоциклов, и я тут же пригнулся, чтоб меня не было видно из-за кустов. И почти сразу же показались два мотоцикла. На каждом сидели по три немца. Ставив винтовку с плеча, я подождал, когда один мотоцикл проедет, прицелился из масасинки в сидящего в люльке немца и нажал на курок. Выстрел прозвучал мощно. Сидевший в люльке немец резко дернулся и завалился грудью на люльку. Первый мотоцикл остановился, собираясь, видимо, помочь своим товарищам по несчастью, и оружие уже развернуто в мою сторону, но винтовка уже заряжена и я делаю выстрел в немца с автоматом. Попадаю. Немец падает. Патрон попал ему прямо в сердце. А тем временем стреляют в меня. Резко приседаю, и пули проходят мимо, кидаю ножи, которые успел вытащить из-за пояса в слезших мотоциклистов. Оба ножа находят свои цели и еще двое немцев отправляются в ад. Оставшиеся двое палят по мне из пистолетов не жалея патронов. Один из немцев все же попадает мне в ногу, и я падаю на землю. Оружия у меня при себе нет. Винтовка валяется около кустов, ближайшее ко мне оружие – это автомат рядом с немцем в люльке. Но поползти я не успеваю. Один из немцев стреляет и попадает мне в руку. Падаю

больно. Тут вспоминаю слова нашего сержанта, что немцы очень гордые и любят издеваться над пленными. Начинаю жалко скулить и извиваться.

– Русиш швайн.

Подходят. Один из немцев подымает сапог чтоб ударить меня ногой в лицо пора заканчивать концерт я ловлю ногу немца дергая ее на себя немец падает его напарник наводит на меня пистолет и стреляет. Приподнимаю ногу немца, пуля попадает немцу в лодыжку, орошая ее кровью. Тот кричит, а его напарник жмет на курок. Осечка. Третьего шанса я ему не даю и из положения низкого старта бегу на немца, сбивая его с ног массой своего тела. Пистолет немца вылетает из руки, бью головой в нос. Из глаз льются слезы. Больной рукой держу немца, а другой бью по горлу. Все, кирдык фашисту. Поднимаюсь, и вдруг остро ощутил опасность. Наверно спасли демонические инстинкты, которые оставил мне совет. Подчиняясь инстинктам, я снова упал на немца. И вовремя! Пара пуль выпущенных из пистолета немца, который был ранен в ногу. Я быстро откатился и опираясь на здоровую ногу я пошел к еще живому немцу, но тут, если бы не моя демоническая сущность и испитая душа уже одного человека, я бы истек кровью так, что когда я подошел к врагу мы оба стояли раненые в ногу а я еще и в руку и смотрели друг на друга и не у меня не у немца не было оружия и наконец, немец решился напасть. Нападать всегда непросто. Атака не в пример сложнее обороны. Данный нехитрый постулат подтвердит любой спортсмен-единоборец. Но я не был спортсменом, я был демоном в человеческой оболочке и удар немецкого солдата я блокировал. В единственный блок вложил почти всю силу, и от моего удара все кости внутри руки превратились в сплошное крошево из костей. Пару секунд ничего не происходило. Рука просто на пару секунд потеряла чувствительность, но прошло еще две секунды и все вернулось только в двукратном объеме и немец дико заорал после чего рухнул на землю от болевого шока. «Вот и все, Ловуал, пришло твое время!» подумал я, глядя на немца, после чего вздохнул и начал поглощать души, тем самым пополняя свое здоровье и силу со знаниями. Поглотив все души и переодевшись в форму одного из солдат, так же позаимствовал Вальтер с автоматом и вытащил из внутреннего кармана документ. Раскрыв его, посмотрел: Ганз Кох. Звание: Обер-грэндер десятого мотострелкового полка четвертой роты.

Итак, рядовой Виталий Кузнецов исчез, а вместо него появился Ганз Кох: обер-грэндер десятого мотострелкового полка. Этот бой я выиграл, и теперь мне нужно было к немцам, а там время покажет, что делать. И, чиркнув спичками, я поджег все от мумий до мотоциклов, после чего направился в сторону, откуда появились мотоциклисты. Когда я уже почти скрылся из виду, раздался большой взрыв. Вот и все. Больше никаких следов нет. И я, насвистывая какой-то веселый мотив из головы одного немца, с отличным настроением ушел от места бойни.

* * *

Через час ходьбы впереди, за березняковой рощей, открылась деревня с домами, какими-то отдельно стоящими хозяйственными постройками и я, недолго думая направился в сторону деревни. Когда я почти подошел к домам, вдруг залаяли собаки. Ловуал поморщился. Он никогда не любил животных, кроме рожденных в бездне, да и то не всех, но пока предпринимать ничего не стал. На лай собак отворилась дверь, и из дома вышел мужик лет сорока, а следом паренек лет двадцати, наверное сын. Увидев немца, то бишь меня мужчина заулыбался.

– О! Пан обер-грэндер, добро пожаловать в дом, – сказал он, заискивающе глядя на меня.

– Я, я, – кивнул Ловуал головой, а память какого-то немца подсказала, что поляки сейчас самые лучшие помощники немцев. Вывод. А вывод прост: нужно искать самую ближайшую часть и поляки мне в этом помогут. Я обратился к поляку, коверкая слова

– Где немецкая часть?

– Господин пан Обер-грэндер хочет знать, где находится ближайшая немецкая часть?

– Я, я.

– Нужно идти на запад километра три, четыре.

Пока мы общались с поляком, из домов стали выходить и другие жители деревни, но я знал, что нападать на меня никто не станет и, поправив оружие с вещмешком, направился в сторону немецких частей.

Глава третья. Снова в строю.

Поляк не обманул. Через четыре часа вдали появились немецкие окопы, а еще через полчаса я услышал немецкий язык, который я уже знал благодаря убитым мной немцам.

– Стоять, руки вверх! Оружие на землю.

Я выполнил приказ, скинув на землю автомат, пистолет и нож. Быстро подбежав ко мне, один из немцев поднял оружие, а второй завернул руки за спину.

– Кто такой, откуда идешь? – последовал вопрос немца.

– Ганз Кох, обер-гренадер десятого мотострелкового полка четвертой роты. Иду к своим.

На некоторое время немец и его подчиненные задумались, после чего он проговорил:

– Я Ригер Ланге, унтер-офицер, артиллерист. Сейчас ты пойдешь с нами, и там проверят.

Если это правда, то тебя отпустят.

– Хорошо.

После чего мы в четвером направились в сторону блиндажа, куда я шел изначально. Когда я попал к артиллеристам, все с любопытством на меня смотрели, а когда меня привели к какой-то землянке и унтер-офицер приказал меня охранять. Сам же он исчез в землянке. Так я простоял минут пятнадцать, пока не выглянул Ригер и, махнув рукой, сказал привести меня. И под конвоем солдат я вошел в землянку. В землянке, помимо унтера сидел Унтер-фельдфебель, то бишь младший лейтенант по-русски.

– Итак, вы утверждаете, что служите в десятой мотострелкового полка четвертой роты?

– Да.

– А вы знаете, что ваш полк попал под огонь русских и вашей роты больше не существует?

– Как так? – сделал удивленное лицо Ловуал.

– Вот так. А это значит, что никто не может подтвердить вашу личность.

– И что теперь будет со мной, господин офицер?

– Проверим. Если в течение суток не найдем никакой информации подтверждающей, что вы служили в мотострелковом полку, то вас расстреляют по военным законам. А сейчас отведите его в карцер, – кивнул офицер головой в сторону унтера.

– Ганз Кох, обер-гренадер десятого мотострелкового полка четвертой роты.

– Так точно, господин офицер и, направив автомат в сторону Ловуала, проговорил: «На выход.» Ловуал решил пока не сопротивляться и пошел за конвоировавшим его солдатом. Когда его заперли в каком-то помещении, где не было ничего, даже досок, один земляной пол и такие же стены, Ловуал вздохнул и начал ждать, что решит унтер-фельдфебель.

* * *

Тем временем Карл Герман, носящий звание унтер-фельдфебеля, взял трубку и набрал номер десятого мотострелкового полка, а уже через минуту послышался голос:

– Слушаю?

– Говорит унтер-фельдфебель Карл Герман. У нас объявился солдат в чине обер-гренадера, который говорит, что служил в вашем полку в четвертой роте. на некоторое время повисла тишина а после чего спросили как имя солдата?

– Ганз Кох.

– Подождите десять минут, я спрошу у командира. Может он знает.

– Хорошо.

В течение десяти минут стояла тишина, но потом он услышал голос:

– Аллю, вы у телефона?

– Да, у телефона, – с раздражением ответил Карл.

– Такого имени мы не знаем, но если это действительно человек, который остался из той роты, спросите его, что праздновала его рота две недели назад.

– И что?

– Две недели назад погиб его брат. Так что ответ похороны или что-то в этом стиле.

– Хорошо. После чего он повесил трубку и вызвал Унтер-офицера, чтобы он снова привел арестованного. Герман не хотел ждать до завтра. Чем быстрее он с этим закончит, тем лучше. Через десять минут зашел Ригер Ланге и его солдаты, ведя арестованного обер-грэндера.

– Что ж, мы кой-чего про вас выяснили и решили не ждать утра.

– И что, господин офицер?

– Прежде чем я отвечу на ваш вопрос, ответьте мне, что вы праздновали две недели назад?

Ловуал сразу понял, что от этого вопроса зависит его жизнь и он тут же окунулся в воспоминания Ганза Коха, ища воспоминания двухнедельной давности, и нашел. Только там был не праздник, а наоборот похороны, похороны брата Ганза Коха. Возможно, это и был ответ. Вопросы с подоплекой встречаются часто, и Ловуал решил рискнуть.

– Это был не праздник, господин офицер. Это были похороны.

– Ну что, повезло тебе, обер-грэндер. Считай, заново родился.

После чего обернулся к Унтер-офицеру, сказав: «Ригер, снимай конвой. Свой он.»

Ригер Ланге кивнул головой, отдал приказ солдатам:

– Свободны.

Те покинули землянку, словно их там и не было.

– Ланге, ты тоже иди. А ты останься. Сейчас свяжусь с твоим начальством, после чего отправишься, куда скажут.

И, подняв трубку, стал снова звонить в мотострелковый полк. Телефон ответил сразу.

– Алло, кто на проводе?

– Это говорит унтер-фельдфебель Карл Герман. Я насчет солдата. Проверку прошел, ваш он. Что дальше с ним делать?

– Подождите немного, сейчас узнаю.

После чего трубка замолчала. Прошло минут пятнадцать, прежде чем послышался голос в трубке

– Говорит обер-лейтенант Кенинг Вагнер, что там с солдатом?

– Все подтвердилось, обер-лейтенант, он действительно из вашего полка.

– Тогда присылайте его к нам.

– Будет сделано, обер-лейтенант.

После чего повесил трубку и, посмотрев на меня, произнес:

– Иди к Ланге. Возьмешь свое оружие и первой машиной или еще как отправляйся в ваш полк, он в пяти километрах от нас. Тебя будут ждать.

– Так точно, господин унтер-фельдфебель.

И, отдав честь, я вышел из землянки.

* * *

Первым делом я пошел искать унтер-офицера. Благодаря подсказке немецких солдат, его я нашел в одной из землянок, на которую мне указал солдат. Когда я зашел туда, я сразу обратился к Ригеру Ланге.

– Унтер-офицер, разрешите обратиться?

– Что тебе, обер-грэндер?

– Унтер-фельдфебель сказал, чтобы вы дали мне мое оружие и направили с машиной в десятый мотострелковый полк.

– Вот еще напасть, – пробурчал Ригер, после чего сказал: – Иди за мной.

Выйдя из землянки, я последовал за унтер-офицером, который привел меня к какому-то строению, похожее на сарай, который охранял часовой.

– Открывай дверь. А ты жди здесь.

После чего вошел в «сарай». Ждать пришлось недолго. Унтер-офицер вышел с моим автоматом и ножом.

– Вот, держи.

Я взял автомат с ножом и поинтересовался:

«А пистолет?» На что получил ответ: «Пистолеты полагаются только офицерам. Так что бери свое оружие и иди, ищи машину. Или топай пешком в свою часть.»

Спорить я не стал, потому что знал, что это действительно так и развернувшись направился искать машину, которая ехала в сторону моей части. Искал я долго, почти два часа, но нашел какую-то машину, которая шла в сторону моего полка.

* * *

Доехал Ловуал до своей части без приключений и, спросив у первого встречного рядового, где найти обер-лейтенанта Кенинга Вагнера и получив ответ, направился к местному штабу. Зайдя в штаб, я представился:

– Обер-грендер Ганз Кох по вашему приказанию прибыл, господин обер-лейтенант.

За столом сидел еще один обер-лейтенант, который обратился к своему товарищу:

– Кенинг, кто это?

– Это Щульц. Единственный оставшийся в живых мотострелковой четвертой роты нашего полка.

– Вот оно как?

– Да.

– И что делать будешь?

– Доукомплектую. У нас в шестой роте двух человек не хватает. Вот отправлю его туда.

– Слышал, обер-грендер?

– Да, господин обер-лейтенант.

– Тогда не стой здесь, а иди и найди свою роту. Скажешь, что я послал.

– Так точно, господин обер-лейтенант.

– Тогда почему ты еще здесь.

Я быстро развернулся и вышел из штабной землянки. Спросив у рядом стоявшего охранника, где находится шестая рота и получив ответ, направился в указанную сторону. Придя к месту назначения, я поинтересовался у одного из солдат, где мне найти унтер-фельдфебеля, на что удостоился подозрительного взгляда с одновременным указанием на то, где находится фельдфебель. Зайдя в одну из землянок, я увидел того, кого искал. Фельдфебель стоял около стола и курил. Увидев меня, он сразу же спросил:

– Ты кто такой?

– Меня зовут Ганз Кох, меня сюда послал Обер-лейтенант Кенинг Вагнер вместо погибших солдат.

– Ясно. Оружие есть?

– Да.

– Тогда пойдем со мной, выдам тебе белье и покажу, где ты будешь жить. Кивнув, я направился за нашим кладовщиком. Получив белье от фельдфебеля, я пошел за ним и в скором времени оказался около одной из землянок, к которой меня привел фельдфебель. Зайдя в землянку, я увидел там двух немецких солдат. Одного из них я косвенно знал. Он показывал мне дорогу к унтер-фельдфебелю.

– Вот, знакомьтесь, это Тилль Шмидт, а это Герц Кляйн. А это, – показал он на меня, – Ганс Кох. Будет служить вместе с вами. Хоть какое, но пополнение. Ну а я пошел, у меня без вас дел много.

Когда фельдфебель ушел. Герц спросил:

– Значит, с нами служить будешь?

– Выходит так.

– Не вовремя ты попал к нам в роту и вообще в полк.

– Это почему?

– Завтра готовится танковое наступление на русских и наш полк, в который входит и наша рота, поедет за танками.

– Ну и что? Мы же за танками будем.

– Это временно. Как только танки прорвут оборону, дальше пойдут леса и нам нужно провести там зачистку и найти место для лагеря. А там наверняка будут партизаны. Они в лесах лучше ориентируются, чем мы. Так что многие из этого боя не вернутся.

– Ясно.

– Ладно, располагайся, – кивнул Герц на две пустующие кровати-нары.

Подойдя к одной, Ловуал начал стелить кровать.

Как и говорил Герц, нас разбудили ни свет ни заря. Быстро оседлав мотоциклы, мы всем составом нашей роты поехали в расположение к танкистам. Часа через три мы были на месте там нас нашел местный начальник и разместил так как мы должны ехать под прикрытием танков и через час мы выдвинулись вперед. Прикрывали нас танки Panzerkampfwagen III (PzKpfw III), мы ехали за ними, где-то минут через двадцать послышались выстрелы из артиллерии русских, и около танков начали разрываться снаряды. В некоторые танки попали артиллеристские снаряды. Танкисты сгорали живьем, покинуть машину не представлялось возможным, но нам и нашему танку пока везло как и другим которых пока не подбили но продолжалось это не долго наконец накрыло наш танк, который шел впереди, и нам пришлось прятаться за горящим танком.

– Проклятые русские сказал Герц, – стирая с лица землю, которая попала в него раз от разрыва артиллерийского осколка.

– Что будем делать, – поинтересовался Тилль.

– Подождем, пока некоторые из танков проедут вперед, и поедем за ними.

Герц огляделся и увидел пару танков, которые еще ехали, а остальные, которые еще не подбили, были далеко.

– Туда, – махнул рукой Герц в сторону танков, – Тем более, я, кажется, вижу Августа с его ребятами.

– Тогда едем, – сказал Тиль, глядя на танки и, заведя мотоцикл, мы поехали в сторону знакомых Герцу и Тиллю солдат. Догнав своих и познакомив меня с Августом и его ребятами Рупрехтом, Адлером и Зигфирдом, мы двинулись дальше, скрываясь за танками, которые наконец доехали до окопов и давили гусеницами раненых солдат и пушки артиллеристов. Правда, от шестнадцати танков, которые выехали в месте с нами, осталось только шесть, но и этого было достаточно, чтобы занять позиции. После чего настала наша очередь, и все мотоциклисты теперь двинулись вперед, зачищая оставшихся русских. Объехав окопы, мы двинулись в лес. Некоторое время двигались на мотоциклах, но когда пошли густые кусты, пришлось остановиться и идти пешком, углубляясь в заросли. Шли мы недолго, перед тем как по нам открыли огонь. Тилля убило сразу, а мы с Герцем успели упасть на землю и пули пролетели мимо.

– Не стреляй, – быстро проговорил я Герцу, который уже взял в руку автомат.

– Почему?

– Сейчас нас считают мертвыми, а это шанс спастись или умереть не просто так. А если мы сейчас откроем огонь, нас просто расстреляют издалека.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Ждать.

– Чего? Когда нас найдут и перебьют?

– Нет, когда подойдут поближе, тогда для нас они будут как на ладони. Вот тогда и откроем огонь. Только первая очередь посередине, вторая по ногам, а оставшихся добьем.

После чего мы стали ждать солдат. Русскую речь мы слышали минут через пять, русские солдаты приближались с каждой минутой, и мы решились. Первая очередь из автоматов скосила всех кто шел близко и в полный рост. Вторая очередь настигла пригнувшихся. Быстро встаем и добиваем раненых, которых почти не осталось, и тут я вижу одного солдата. Это был Олег. Мой первый кровник и боец, с которым связала нас судьба, а рядом с ним раненого бойца.

Быстро перевожу автомат на Герца и стреляю. Моему напарнику пули разрывают грудь, и он падает мертвым, так ничего и не поняв.

– Олег, это ты?

– Виталий, слышу удивленный голос Олега, а потом презрительный тон. – Продался фашистам, сука.

– Нет, Олег не продался. А ты слушай и не перебивай.

– Ты и Макс единственные, кто не пытались меня убить, и поэтому на мне был долг крови. Сегодня ты не умрешь, по крайней мере от меня, и мой долг перед тобой будет погашен. Останется только долг чести. Но лично я никогда не стрельну в тебя первым. А теперь слушай внимательно. Возможно, это поможет твоим товарищам и командирам. Здесь меня зовут Ганс Кох, служу в мотострелковых войсках в звании обер-грэндера. После боя осталось шесть танков мотобригады. Чуть больше если нападете утром, особенно если с артиллерией можете отбить позиции. Советую сделать растяжки на дорогах и на путях отхода в случае погони, а что погоня будет, я не сомневаюсь. Пока я буду в мотострелковой дивизии, я могу помочь вашему начальству с информацией. Это все, а сейчас уходите, пока не появились немцы.

Олег кивнул и потащил своего товарища назад, а когда они скрылись, Ганс-Ловуал подошел и опустил руку на каждый из трупов, поглощая их души и тем самым становясь сильнее и умнее.

* * *

Некоторое время Олег молча тащил своего товарища, а когда остановились отдохнуть, напарник Олега спросил:

– Откуда ты его знаешь?

– Помнишь мой рассказ про бойца, которого хотели взять в плен?

– Да.

– Вот он и был тем бойцом и как видишь он это оценил отпустив нас и даже кое в чем помог. Некоторое время оба молчали, после чего он сказал Олегу:

– Не знаю, как ты, а я считаю, что он предатель. Может и так но он я точно знаю он всегда отдает долги. Ладно, пошли, а то не успеваем сообщить командованию о том, что наш Виталий сообщил нам.

Его напарник вздохнул и пошел. Олег сразу пошел искать командира, желательно офицера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.